

Обатуров Г. И.

ДОРОГИ РАТНЫЕ КРУТЫЕ

Воспоминания об участии в Великой
Отечественной войне

Геннадий Обатуров

**Дороги ратные крутые.
Воспоминания об участии
в Великой Отечественной войне**

«Издательские решения»

Обатуров Г. И.

Дороги ратные крутые. Воспоминания об участии в Великой Отечественной войне / Г. И. Обатуров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856167-2

Воспоминания генерала армии об одном из эпизодов Великой Отечественной войны будут интересны всем тем, кто интересуется и занимается историей войны с гитлеровской коалицией, в особенности теми операциями, о которых идет речь в этой книге. Автор с максимальной точностью описывает события, опираясь не только на свою память, но и на архивные документы.

ISBN 978-5-44-856167-2

© Обатуров Г. И.
© Издательские решения

Содержание

Читателю	6
Глава первая. Боевое Крещение	7
В стороне от грозных событий	7
Дорога на фронт	16
Цена первых уроков	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дороги ратные крутые Воспоминания об участии в Великой Отечественной войне

Геннадий Иванович Обатуров

*Воинам 4-го Гвардейского механизированного Сталинградского
Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова корпуса, павшим
и живым, посвящаю.*

© Геннадий Иванович Обатуров, 2018

ISBN 978-5-4485-6167-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Читателю

Вы скажете, что с воспоминаниями я опоздал. К сожалению, это так. Пятьдесят лет прошло с тех пор, как завершилась победой Великая Отечественная война.

Многолетняя военная служба после окончания войны была настолько напряжённой, что я не нашёл времени для написания воспоминаний. В последние годы службы удалось наметить их контуры да обзавестись архивными материалами. Лишь после увольнения в отставку в 1992 году я получил возможность изложить пережитое в предлагаемой вам книге.

Если вы – читатель бескорыстный, и ваше сознание не затуманено волной сплошного очернительства истории СССР и, в частности, истории Великой Отечественной войны, то найдёте в книге описание событий, которые по прочтении не могут не обогатить ваши знания.

А для читателя, занимающегося историей войны с гитлеровской коалицией, в особенности теми операциями, о которых здесь идёт речь, найдётся в книге немало актуального.

Половину времени пребывания на фронте я воевал в механизированной бригаде. Ее организационно-штатная структура была весьма эффективной, что обусловило ее живучесть. Современная организация Сухопутных частей и соединения с ней сходна. Это значит, что опыт применения мехбригады актуален вам, читателю – офицеру мотострелковых и танковых войск.

Полезен и опыт учёта военно-технического фактора при подготовке боя и в ходе его. Мне посчастливилось вступить в войну, имея за плечами командный факультет бронетанковой академии.

То, чему я научился, в том числе и в применении вооружения и техники, было использовано в полной мере.

Изложенное выше и побудило меня выступить с воспоминаниями, пусть и запоздалыми.

И еще. Я стремился избежать односторонней, лишь положительной обрисовки людей, с которыми делил ратное бремя. Старался также с максимальной точностью описывать события, следуя документальным данным и своей памяти.

Уважаемый читатель, я готов принять вашу критику. Она, видимо, оправдана, так как не все в книге удалось описать, а язык книги не может претендовать на высокий стиль.

В заключение хочу выразить благодарность полковнику в отставке Ивану Дмитриевичу Фосту, оказавшему большую помощь в сборе архивных материалов.

15 марта 1995 г. Автор

Глава первая. Боевое Крещение

В стороне от грозных событий

Весть о войне дошла до нас, слушателей старшего курса командного факультета, Военной академии механизации и моторизации РККА, вскоре после прибытия в лагерь.

Переезд проходил ранним воскресным утром 22-го июня 1941-го года и совпал с той особой приподнятостью, которая возникает всякий раз, когда экзаменационная сессия уже позади. Подстать нашему настроению была и погода – солнечная, с редкими белыми облаками на синем небе.

В кузовах автомашин одни слушатели шутили и смеялись, другие дремали, продлевая неоконченный сон, а я мысленно был в обстановке вчерашней прогулки с женой и детьми в Лефортовском парке, что рядом с академией...

Дети резвились, играли в прятки среди деревьев да бегали по узким тропкам. Двухлетний Боря почти не сходил с рук, и много раз «примерял» мою фуражку, а за свободную руку держались то шестилетняя Люся, то четырехлетняя Галя.

– Лиза, что это сын сегодня так жмется ко мне? – спрашивал я жену

– Не понимаешь? А когда ты с детьми вот так, два часа гулял? Больше 10-15-ти минут перед сном и то не каждый день они тебя не видят. От счастья, что папа с ними, они и жмутся к тебе.

Да, это было так: учеба почти не оставляла времени на семью...

Около полудня сигнал горниста вызвал слушателей на построение. Прибыли и старшие курсы инженерных факультетов. Необычная озабоченность на лицах начальников насторожила.

Зашумели репродукторы, и вместе с двенадцатью ударами колокола от тревожной догадки сильно забило сердце. И тут услышали слегка заикающийся голос заместителя председателя Совета Народных Комиссаров – народного комиссара иностранных дел В.М.Молотова, выступившего с заявлением Советского правительства. Сообщив о фашистской агрессии, дав политическую и моральную оценку ей, правительство призывало Красную Армию и Военно-Морской флот самоотверженно сражаться с захватчиками, а население – героическим трудом обеспечивать фронт всем необходимым. Были близки и понятны каждому из нас заключительные слова заявления: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

На состоявшемся вслед за тем митинге, все выступавшие гневно осудили коварство немецко-фашистского руководства, растоптавшего договор о ненападении между СССР и Германией. Они единодушно заявили, что слушатели и начсостав полны желания стать в ряды тех, кто сейчас сражается с врагом.

Так все мирное отошло на второй план, уступив место тревоге и думам о фронте.

– Не пройдет много времени как фашистские войска будут разгромлены, – говорил командир нашей учебной группы майор Василий Дмитриевич Глушков, участник Народно-революционной войны в Испании. – Но для возмещения потерь и новых формирований потребуются командиры. И хотя жаль, что недоучимся, но фронт теперь – самое главное.

– А что нам сейчас делать в академии? За два года мы получили достаточные для войны знания, – безапелляционно заявлял старший лейтенант Боря Шумилов. – Кому, как не нам, быть сейчас на фронте?

Да, каждый из нас хотел, возможно, скорее попасть на фронт. «Фронтовые» настроения, ослабившие интерес к учебе, были, однако, непродолжительны. Конец им положило распоря-

жение вышестоящего командования о том, чтобы в месячный срок отработать наиболее важные темы третьего курса, после чего произвести выпуск. Академия перешла на удлинённый рабочий день, и главное внимание в учебе стало уделяться практической организации слушателями боя на местности.

Программа мер, разработанных ЦК ВКП (б) и Советским правительством в целях разгрома агрессора, наиболее полно была отражена в выступлении по радио 3-го июля Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина. Слово Сталина ассоциировалось со словом партии. Глубоко проник в сознание прозвучавший в выступлении призыв партии и правительства, не зная страха, до последней капли крови сражаться за советскую землю. Он раздался как набат и таковым сохранился в памяти.

Военкоматы наполнялись не только людьми, пришедшими по повесткам; их осаждали и добровольцы. Приведу эпизод, происшедший на одном из полевых занятий. Из группы колхозников, работавших на прополке картофеля, к нам подошла группа молодежи. Одна из девушек, поздоровавшись, спросила:

– Товарищи командиры, кто бы мог дать нам разъяснение?

– По какому вопросу? – осведомился наш тактический руководитель полковник Анатолий Семенович Лямцев.

– Мы в школе выучились на санитарок, сдали зачеты, имеем справки и значки «Готов к санитарной обороне». В военкомате просились на фронт, но нам отказали.

– А я просился на фронт красноармейцем, окончил 10 классов, «Ворошиловский стрелок», комсомолец, а меня не направляют, – перебивая девушку, заговорил юноша.

– Мы тоже комсомольцы и «Ворошиловские стрелки», – почти хором сообщили девушки. Их глаза отражали и надежду, и мольбу, и беспокойство.

– А сколько вам лет?

– Ну... семнадцать, одной – шестнадцать.

– Потому и отказывают, что нет еще восемнадцати. Подрастете, тогда и возьмут.

– Нам-то было понятно их стремление!

В начале июля, в один из воскресных дней в числе отпущенных в Москву к семьям был и я. Пригороды и столица встретили нас наклеенными на окна бумажными крестами, выключенным уличным освещением и затемненными окнами в ночное время. Люди были непривычно молчаливы и озабочены.

Случайно совпало, что приехал к нам Иван, мой младший брат, слушатель Военной академии имени М.В.Фрунзе, только что переведенный на второй курс факультета противовоздушной обороны, старший лейтенант.

– Какая удача! Думал, увижу только Лизу и малышей, но и ты оказался дома, – радостно заговорил он. – А я, вот, как и мои однокурсники, убываю в Действующую армию.

– А как Ольга, Риточка? – волнуясь, спросила Лиза.

– Я – с вокзала, только что проводил их к ее родителям за Кострому.

В свои 22 года, он отправлялся уже на вторую войну, пройдя ранее советско-финляндскую, в ходе которой был дважды ранен. При прощании мы, наверное, думали одно и то же: надолго ли расстанемся? Увидимся ли? Склонный к шутке, Ваня сказал:

– Битые, говорят, народ живучий! Обязательно увидимся и самое позднее после... победы.

Его слова сбылись. После войны, израненные и контуженные, увиделись. А в момент расставания всплыли в памяти картины из детства и юности...

Родился я 9-го января 1915-го года в деревне Малые Заречена, которая пряталась в глухих вятских лесах Нагорского района Кировской области, в ту пору, когда полыхала и ширилась первая мировая война. Отец был мобилизован и погиб на русско-австрийском фронте

в Карпатах. Матери одной пришлось растить пятерых детей и заботиться о престарелом прадеде. Естественно, что хозяйство пришло в упадок.

Мы в семье начинали выполнять сельхозработы с семи лет. Кстати сказать, в наших деревнях в то время это было нередко. При всей тяжести жизни братья и я зимой учились. Помнится, как впервые на сенокосе к старшим сестре и брату присоединился и я. Мы косили уменьшенными косами-горбушами. Подошла соседка и с удивлением и похвалой говорит:

– Батюшка бог! Настя, да у тебя уже три помощника!

– Не сглазь, Анна. Вот и ко мне пришло счастье. И... заплакала.

Было мне 11 лет, когда мать, заболев от непосильного труда, умерла. Так началась самостоятельная жизнь трех отроков и одной девочки – в единоличном хозяйстве, а с 1929-го года – в колхозе.

Учебе в семилетке помогла стипендия Наркомпроса РСФСР. Подрабатывал также на обучении молодежи грамоте, для чего организовал в своей деревне кружок по ликвидации неграмотности («ликбез»).

Словом, ранний труд и в малолетстве свалившаяся забота о себе лишили меня детских радостей.

Семилетку окончил успешно, и неожиданно выпавшим счастьем явилось направление на учебу в техникум общественного питания, входивший в систему потребкооперации и располагавшийся в Нижнем Новгороде.

В техникуме получил хорошую общеобразовательную и неплохую теоретическую и практическую подготовку по специальности. Во время учебы в нем, в 1931-м году стал комсомольцем.

Скромной стипендии хватало лишь на полмесяца. И такие, как я, кому помощи ждать было неоткуда, подрабатывали на погрузочно-разгрузочных работах в вечернее время и по воскресеньям. Этому способствовало наличие в Нижнем Новгороде двух железнодорожных станций и на реках Волге и Оке двух портов. Только трудно было это начать, так как брали артелями. В то время даже в техникумах было немало студентов в возрасте 18-20-ти лет. Естественно среди них я, 15-летний подросток, был и мал ростом и не выглядел сильным.

– Зачем ты нам нужен, пацан? Хочешь, чтобы мы на тебя работали? – говорил, отказывая в моей просьбе взять в артель ее руководитель, взрослый парень.

– Давайте возьмем парня, проверим, уж очень настырный. Может что-то и получится. Сирота, ведь, – предложил его такой же взрослый товарищ.

И на первой же выгрузке, стараясь изо всех сил, заслужил доверие и стал полноправным артельщиком.

Студенческие артели по объему выполняемых работ не уступали, пожалуй, профессиональным грузчикам; экипажи судов и железнодорожники нас ждали и приглашали. Ведь Нижний Новгород был городом студентов.

В те годы в нем осуществлялось крупное строительство, в частности, такого гиганта, как Горьковский автозавод. В нем активно участвовала, главным образом по воскресеньям, студенческая молодежь. Трудовой ее подъем и сплоченность, во главе которых стоял комсомол, были огромны. В то же время хорошо учились.

Для сведения тех современных «демократов», которые считают, что наше поколение зря прожило, сообщу, что Нижегородский автозавод через полтора года после начала строительства стал выпускать автомобили. Его главные цехи имеют длину более полкилометра и ширину 30—40 метров каждый. А ведь основной строительной «техникой» были лопата, тачка, рычаг и веревка!

В ноябре 1933 года получил диплом техника-технолога по кулинарии и назначение заведующим производством отдела общественного питания Вятского (с 1934-го года Кировского) городского рабочего кооператива, в котором в то время были сосредоточены торговля и пита-

ние всего города. Вскоре избрали не освобожденным секретарем комитета ВЛКСМ этой организации.

Сюда-то, в Киров, после окончания семилетки и переехал ко мне брат, поступив на учебу в техникум. Собственно, в деревне он оставался уже один: старший из братьев перед этим умер, а сестра вышла замуж...

Но продолжу рассказ о первых днях и неделях войны. Мы жадно следили за тем, что касалось характера боевых действий, особенно танковых войск. Читали сообщения о героических действиях наших подразделений, а со стороны противника отмечались удары танковых и моторизованных дивизий и даже моторизованных корпусов. Также редко встречались сообщения о сосредоточенных ударах нашей авиации, а вот о противнике говорилось, что он действует авиагруппами. Естественно возникал вопрос: где же наши механизированные корпуса и авиационные дивизии? Выступление Сталина лишь усилило тревогу, но не дало ответа. Мы ждали его от преподавателей, но быстро убедились, что они знают не больше нас.

Между тем драматическое развитие событий на фронте возрастало с каждым днем. Сообщения об ожесточенных боях в районе Смоленска и первый налет фашистской авиации на Москву в ночь с 21-го на 22-е июля позволили окончательно осознать, что главным для Красной Армии с самого начала отражения агрессии стало не наступление, а оборона. Оборона с целью остановить врага и выиграть время для развертывания и ввода в сражения резервов. И хотя этот и последующие налеты не причинили существенного ущерба Москве, чему, как мы убедились, наблюдая из лагеря на берегу озера Сенежского, помешала мощная противовоздушная оборона, неудачный ход оборонительных боев Красной Армии стал для нас очевидным.

Война! Невидимой гранью она разделила жизнь на два периода. Один, до 22-го июня, осознавался как радость творчества, созидания. Другой, с этого рокового дня, главенствовал в сознании как большая общенародная беда. И то, что было до него, отступило, воспринималось уже как прошлое, с которым настоящее и будущее по сложности и ответственности несоизмеримы...

23-го июля состоялся выпуск. И как бы не омрачала сознание война, все же ощущалась некоторая торжественность и радость. Радость и за себя и за тех, с кем сдружился. Это были старшие лейтенанты Михаил Пискунов, Борис Соловьев, Иван Шавров, Борис Шумилов.

И благодарили наших преподавателей и воспитателей, особенно своего тактического руководителя полковника Лямцева. Анатолий Семенович остался в памяти подлинным учителем. Мы между собой так его и называли: «учитель сказал», «учитель считает», «учитель советует». Его рекомендации и указания были для нас непреложны. Он имел опыт двух войн и прошел службу на командных и штабных должностях до механизированной бригады включительно. Конечно поздравляли и друг друга.

– С окончанием, друзья! – восклицал Борис Соловьев.

– И с окончанием, и с достижением задуманного! – в свою очередь с радостью говорил Иван Шавров.

Он напоминал эпизод из 1937-го года, во время учебы в Орловском бронетанковом училище, где мы были в одной курсантской роте: они – помощниками командиров взводов, а я – старшиной.

Вышедший тогда один из приказов Наркома обороны предоставлял лицам, окончившим училища с отличием, право выбора места службы и поступления в академии через год. Мы тогда договорились именно так окончить училище и получить право на указанные льготы. Первую мы использовали, выбрав местом службы Дальний Восток, затем воспользовались и второй, поступив через год с небольшим в академию.

Запомнились слова, с которыми к нам обратился после вручения дипломов начальник факультета генерал-майор танковых войск В. Н. Кашуба.

– Напутствия и советы не люблю. Лишь пара пожеланий. Осознайте, что вы уже не слушатели и завтра поведете людей в бой. Умело ввести подчиненных в первый бой, с малой кровью – значит занять боеспособный воинский коллектив. Это – искусство, особых рецептов не знаю, но думать об этом надо сегодня. Далее, чтоб не оробеть, быть уверенным в себе, оглянитесь на себя: вы уже не те, что были в начале учебы. Без веры в себя нет самостоятельности и твердости.

Много раз мы слушали его за восемь месяцев командования факультетом. Суровый и жесткий, строго-требовательный во всем, Владимир Нестерович, пожалуй, впервые предстал перед нами душевным, простым и непринужденным. Герой Советского Союза, командир танковой бригады во время советско-финляндской войны, известный в танковых войсках своей храбростью, лишившийся ноги в результате тяжелого ранения, он был для нас олицетворением командирской доблести.

Как-то само собой и я стал сравнивать свои знания теперешние и 1939-го года, и мысль воедино связала события шестилетней службы, о которой к месту будет сжато сказать...

Желание стать кадровым военным созрело в 1935-м году, во время работы в городе Кирове. В то время в печати и по радио широко велась агитация, призывавшая молодежь поступать в военные училища, на что она активно откликалась.

Проводил эту работу и наш комитет комсомола. Первоначальный интерес к профессии командира Красной Армии вскоре перерос в мечту. И в октябре 1935-го года добровольно, по конкурсу я поступил в Орловское бронетанковое училище.

Первой поздравила меня жена. Вскоре по приезде в Киров я познакомился с Лизой Камкиной, комсомолкой, работавшей в одной со мной организации. Выросшая в многодетной рабочей семье, в десятилетнем возрасте потерявшая мать, она с четырнадцати лет начала самостоятельную трудовую жизнь. Влекли меня к ней и ее зрелость не по годам и не всегда встречающаяся у девушек доброта, переросшие вскоре в глубокое чувство. В начале 1935-го года мы стали супругами и с тех пор вместе шагаем по жизни шестьдесят лет.

Когда я сообщил брату о своем решении пойти в училище, то он спросил:

– А в какое училище принимают с семилеткой?

– В пехотное, Ваня.

– Вот в такое училище я и пойду, ведь через месяц мне семнадцать лет. Да и на что я без тебя буду жить?

– Насчет жизни ты прав: на твою стипендию не проживешь. Но курсант должен быть уже взрослым мужчиной, сумеешь ли ты стать таким?

– Конечно сумею.

И одновременно со мной он поступил в Рязанское пехотное училище.

В армейскую жизнь я вошел легко. Занятия проходили напряженно и насыщенно, интерес к ним нарастал, так как теоретическая подготовка умело сочеталась с практическими действиями на технике, при оружии и в поле. В немалой степени это обуславливалось тем, что большинство преподавателей и лиц командного состава от командира батальона и выше имели боевой опыт.

В несложной роли курсанта, затем командира отделения пришлось быть недолго. Когда вернулся с первых курсантских каникул и представился командиру своей 1-й роты, то услышал неожиданное:

– Вам, товарищ Обатуров, надо представляться другому командиру.

Подумав, что командир роты получил новое назначение, возможно повышение, спросил:

– Товарищ капитан, вы уходите?

– Не я, а вы уходите, – прерывая вопрос, сказал он. – Приказом начальника училища вы назначены старшиной 7-й роты. Поздравляю и не сомневаюсь, что справитесь, хотя и жаль вас отпускать.

Старшинство на протяжении двух курсов позволило получить начальные командирские навыки. Будучи одновременно секретарем батальонной комсомольской организации, продолжил активную комсомольскую работу. Постоянное общение и работа под руководством партийных руководителей до армии и здесь, в училище, укрепили мысль – быть в партии. И в 1937-м году стал кандидатом в члены ВКП (б).

Наш третий курс был выпущен 1-го июня 1938-го года. И мы с Шавровым и Соловьевым были весьма рады тому, что попали в одну часть – в механизированный полк кавалерийской дивизии, переименованный затем в танковый. Каждого из восьмерых молодых лейтенантов, прибывших из двух танковых училищ, отдельно принял и определил на должности командир полка. После ряда вопросов, он в конце беседы со мной сказал:

– Опыт службы в роли старшины, диплом с отличием, спортсмен – это то, что нужно в учебном танковом эскадроне. Назначаетесь командиром взвода по подготовке командиров танков БТ-7.

Не встречая затруднений в проведении занятий с подчиненными, вскоре понял, что постановка обучения и воспитания в Орловском танковом училище были образцовыми. Не случайно уже через месяц оказались в учебном эскадроне мои товарищи Шавров и Соловьев и, таким образом, все взводы возглавили «орловцы».

Полк, как и дивизия в целом, жил и учился, находясь в повышенной боевой готовности. До беспокойной советско-манчжурской границы было всего 10 км.

Полк дал мне, молодому командиру: и первый опыт подготовки экипажей; и практику постановки огневой подготовки в масштабе полка, в роли инструктора огневого дела; и первые навыки штабной службы, в должности помощника начальника штаба полка по разведке. Но, пожалуй, наиболее существенную практику дал марш на расстояние около 500 км к району боев у озера Хасан в конце июля – начале августа того же, 1938-го года, заверченный, правда, к моменту изгнания с советской территории японских захватчиков.

Словом, хотя срок службы в полку был коротким, но поучительным.

В 1939-м году из полка было отобрано пять кандидатов для поступления на командный факультет академии механизации и моторизации РККА, в том числе лейтенанты Шавров, Соловьев и я, пользовавшиеся льготами. Все пять человек успешно прошли конкурсное «сито». И это в условиях, когда к конкурсу было допущено четыре человека на место!

В академии наряду с теоретической подготовкой немало внимания уделялось организации боя на местности. Много практических занятий и лабораторных работ проводилось по вооружению и стрельбе, вождению танков, их обслуживанию, по электро- и радиотехнике.

Случилось так, что с началом нашей учебы разразилась война в Европе, ставшая впоследствии второй мировой. Вполне понятно, что в процессе учебы определенное место занял анализ действий гитлеровских войск, особенно танковых, сравнение их организационной структуры со структурой наших танковых войск.

Вспоминается один из острых споров на семинаре в нашей учебной группе в 1940-м году, в ходе которого три слушателя, в том числе и я, выступали с рефератами.

– Как видите, немецкие танковые соединения действуют так, как это делали наши мехкорпуса на маневрах 1935-1936-го годов, – говорили одни. – Разработанная нами тактика танковых войск оказалась эффективной, ее успешно применяют немцы, а мы ликвидировали мехкорпуса. Чем развивать оперативный простор?

– Бои в Испании и советско-финляндская война убеждают, что танковые части надо иметь в стрелковых дивизиях, а для развития успеха достаточно танковых бригад, что мы сейчас и имеем, – возражал «испанец» майор Глушков.

– Армиям и фронтам без танковых корпусов не обойтись, – отстаивала свое мнение большая часть группы, к которой примыкал и я.

Эта последняя точка зрения высказывалась и большинством преподавателей. Конец спорам положило решение высшего командования вновь создать механизированные корпуса.

Политическая работа со слушателями, как нам казалось, была поставлена лучше, чем с постоянным составом. Подтверждением этому явилось отношение к советско-германскому договору о дружбе, подписанному в сентябре 1939-го года. Когда на митинге, проводившемся в связи с этим событием, один из преподавателей – военных инженеров высказал мнение, что опасность войны со стороны Германии против СССР снята, то слушатели зашумели и дружными аплодисментами встретили следующие слова выступившего затем доцента кафедры марксизма-ленинизма, одного из уважаемых педагогов.

– С подписанием договора антикоммунистическая и расистская сущность фашизма не изменилась, а война против Польши еще раз подтверждает его агрессивность. Поэтому нам надо быть бдительными и упорно готовить себя к защите Родины.

В июне 1940-го года я был принят в члены партии.

Академия дала мне рост и в спортивном отношении: дошел до первого разряда по лыжам и до второго – по спортивной гимнастике. Участвовал во всех межакадемических соревнованиях по этим видам спорта.

Вот такие события из предшествующей службы воспроизвела в тот день память...

Уже в первые сутки большинство выпускников убыли по назначению. Старшего лейтенанта Шаврова направили в Действующую армию. Фронтовыми дорогами он прошел всю войну, продвинувшись по службе до начальника штаба танкового корпуса, полковника. Сопутствовало ему и везение: он ни разу не был ранен. С 1973-го года Иван Егорович Шавров – генерал армии. К сожалению, в 1993-м году Иван Егорович в результате тяжелой болезни скончался.

Удрученными чувствовали себя, получив назначение преподавателями училищ, Борис Шумилов и Михаил Пискунов. Боря возмущался, а Миша был сдержан, но решителен.

– Приказ есть приказ. Освоюсь в училище и буду искать возможность попасть на фронт.

Свою мечту они вскоре осуществили. Михаил Степанович Пискунов с начала 1942-го добился назначения в Действующую армию, участвовал в боях на командных и штабных должностях до командира танковой бригады включительно и удостоился звания Героя Советского Союза. А Борис Александрович Шумилов разделил участь большинства наших однокурсников: он погиб в 1943-м году в одной из танковых атак. В феврале 1995 года не стало и Миши: он умер в результате инсульта.

Через три дня определилось и мое положение. Капитаны А. И. Лукшин, С. С. Харитонов и я были назначены младшими преподавателями кафедры тактики нашей академии. Неожиданным и разочаровывающим было это назначение!

– Какие мы преподаватели без боевого опыта! – с ожесточением говорил я.

– Выходит нас за отличную учебу и Сталинские стипендии наказали, – с горечью говорил Лукшин.

– Надо действовать! Пойдемте к начальнику академии, – решительно предложил Харитонов.

На приеме у начальника академии генерал-майора танковых войск Г. Н. Ковалева о нашей просьбе начал, было, докладывать Лукшин, как старший по возрасту, но генерал окинул нас строгим взглядом, встал с кресла и резко и громко сказал:

– Выполняйте приказ! Идите!

С оскорбленными чувствами мы удалились. Григорий Николаевич был вправе отказать, но должен был выслушать нас, а, может быть, и обосновать назначение. Кстати, его невнимание к людям, доходившее до бездушия, было широко известно в академии, что отрицательно сказывалось на его авторитете. Только такой начальник как он, мог в 1944-м году, при возвращении академии в Москву, оставить в Ташкенте семьи тех преподавателей, которые выбыли

из академии на фронт. И даже отказать им в выдаче справок, свидетельствовавших о том, что они имеют в Москве квартиры от академии и прописаны в них. А без таких справок проехать в Москву было невозможно. Он заселил и квартиры этих офицеров. В числе таких семей оказалась и моя.

Начальник кафедры тактики генерал-майор танковых войск Иван Прокофьевич Сухов принял нас тепло. Узнав о посещении начальника академии, он сказал:

– Понять вас нетрудно. Кому как не вам, молодым, идти в бой. Но и здесь вы нужны. Перед войной и в ее начале кафедра изрядно поредела, так как немало преподавателей получили назначения во вновь развертываемые мехкорпуса. А на вас войны еще хватит.

Из специфической службы на кафедре останowlюсь лишь на наиболее существенных моментах.

Здесь я впервые попал в среду прошедшего одну-две войны старшего поколения командиров, многие представители которого имели боевые награды. Робость перед ними вследствие товарищеского внимания с их стороны, проявленного с первого дня, быстро исчезла.

Старший тактический руководитель кандидат военных наук полковник И. Г. Зиберов нагружал меня постепенно и не столько рассказывал, сколько спрашивал, как я буду вести то или иное занятие и при этом ненавязчиво давал советы. Возложив параллельно с преподаванием разработку программы сокращенной подготовки инженеров-танкистов, он начал приобщать меня и к методической работе.

Напряжение в деятельности кафедры было значительным, а в августе резко возросло. Враг приближался к Москве, и было принято решение о создании обороны внутри города. Территория Москвы была разделена на секторы. Оборонный сектор №1, ориентированный фронтом на северо-восток и охватывавший территорию девяти районов столицы, делился на четыре боевых участка: три в первой линии, один – во второй. Начальником сектора был назначен начальник академии, начальником штаба – начальник кафедры тактики.

Силы боевых участков образовывались в основном за счет трех академий и девяти оперативно подчиненных истребительных батальонов, сформированных из добровольцев-коммунистов старших возрастов, многие из которых были участниками Октябрьской революции и Гражданской войны.

В штабе сектора я был направленцем на второй боевой участок и немало соприкасался с полковником Лямцевым, ставшим заместителем начальника штаба сектора.

В критические дни сентября-октября сочетание труда на предприятии, в учреждении или учебы с оборонительными работами для москвичей было естественным делом. А в ночное время к этому добавлялось дежурство на крышах домов, в готовности к сваливанию на землю сброшенных фашистской авиацией зажигательных бомб.

Вспоминается разговор полковника Лямцева с одной из женщин на Измайловском проспекте.

– Да, гражданка, траншею рыть вам досталось на мужском месте: глина да еще с гравием.

– А кому же рыть-то, как не нам? Мужики-то, ведь, все на фронте да в истребителях. Жаль, что с дочерью попеременно копаем, всего одна лопата.

– Скоро лопат прибавится, – сообщил Анатолий Семенович.

Рядом с ней вытирала пот девочка шестого-седьмого класса. Подошел мальчик с узелком.

– Мама, я подогрел и принес вам суп, – быстро проговорил он. – Вы поешьте, а я покопаю.

– Иди уроки делать. Мы с Настей поочередно копаем, поочередно и кушать будем. Уроки сделаешь – ложись, мы придем поздно.

Почти каждый для защиты Родины делал все, что мог. И только теперь, через десятки лет это осознается как самоотверженность патриотов, как массовый героизм, который в то время казался само собой разумеющимся делом.

Наступили полные тревог и душевной боли дни октября. Враг все ближе подступал к Москве. Столица перешла на осадное положение с введением комендантского часа.

В сложившейся обстановке военные академии эвакуировались из Москвы. Необходимость этой меры была понятна: рядом с фронтом нормальный учебный процесс был не возможен. Так говорил разум, но чувства у нас, молодых педагогов, в отличие от пожилых, лишь сильнее забурлили.

– В скверную историю попали мы, Сергей: фронт – к нам, а мы – в эшелон и подальше от него! – говорил я капитану Харитонову.

– Да, выходит так, что мы убегаем! Плохо подумают о нас люди, видя в эшелонах, идущих в глубокий тыл, молодых здоровых командиров, – отвечал он. – А в чем мы виноваты?

Эшелон, в котором следовала кафедра тактики, через несколько дней прибыл на место эвакуации – в город Ташкент. По пути нам воочию пришлось убедиться, что слухи об огромных масштабах эвакуации достоверны. Мы видели десятки и десятки эшелонов и поездов с людьми, заводским оборудованием, сельхозтехникой и скотом, следовавших на восток, вглубь страны. А навстречу им шло такое же количество эшелонов с войсками. И все это совершалось планоно, без анархии и паники, с железной настойчивостью и дисциплиной.

Академия близ города Чирчика получила территорию для лагеря и полевых занятий. Пришлось заново разработать все тактические задачи, проводимые на местности. Напряженная работа была выполнена в срок.

Многу разрабатывались две задачи батальонного масштаба. После проверки полковник Зиберов пригласил меня на доклад к начальнику кафедры. Утвердив замыслы и планы задач без существенных замечаний, генерал Сухов сказал:

– Поздравляю вас, товарищ Обатуров, с завершением становления в должности. Как и должно быть в военное время, вы на это затратили половину положенного срока.

Успешное контрнаступление под Москвой вызвало в коллективе академии энтузиазм. Все ожили, повеселели. А нас троих не покидало чувство неудовлетворенности. Мы не могли мириться, что находимся в стороне от боевых действий. В то же время наши просьбы, поддерживаемые уже кафедрой, начальник академии не удовлетворял.

Естественно, что начали искать «обходной» путь. Обратились с письмом к бывшему заместителю по политической части начальника факультета, являвшемуся уже военкомом одного из управлений Главного автобронетанкового управления полковому комиссару Н. А. Колесову. Николай Андреевич поддержал нашу просьбу перед управлением кадров АБТВ. И вот в начале марта 1942-го года убыли капитаны Лукшин и Харитонов.

– Друзья! – волнуясь при прощании, говорил им я, – замолвите в Москве за меня слово. При встрече отблагодарю.

– Обязательно. Мы все же уверены, что ты уедешь вслед за нами.

Но встречи-то у нас так и не произошло. Сергей Сергеевич Харитонов через два месяца погиб в ходе неудачного наступления под Харьковом. Александр Иванович Лукшин к концу войны стал начальником штаба танкового корпуса, полковником; после победы над фашистской Германией участвовал в Манчжурской операции. В 1950-м году, перед окончанием академии Генерального штаба, он заболел и скончался. В апреле в Москву вызвали и меня.

Дорога на фронт

В десятом часу 22-го апреля 1942 года я стоял у фасада здания Московского вокзала в городе Горьком (ныне Нижний Новгород), смотрел на распускавшиеся деревья привокзальной площади и был, наверное, не менее счастлив, чем альпинист, впервые покоривший престижную горную вершину. Еще бы! Состоялось назначение, ведущее на фронт.

Известным мне со студенческих лет трамвайным маршрутом выехал в Сормово, в один из старейших промышленных районов города, а оттуда пешком и попутной машиной в пригородный поселок Копосово, в котором располагалась 160-я танковая бригада, где мне предписывалось быть заместителем начальника штаба по оперативной работе.

Назначенные командир и начальник штаба к тому времени в бригаду еще не прибыли. Представившись заместителю командира и военному комиссару, приступил к работе.

Бригада являлась новым формированием, которое осуществлялось Горьковским автобронетанковым центром, и включала в себя: 352-й и 353-й отдельные танковые, и 160-й отдельный мотострелковый батальоны; зенитную и противотанковую батареи; и несколько отдельных рот, и взводов. Красноармейцы и сержанты были призваны в основном из Горьковской и Кировской областей, поэтому всюду в подразделениях слышались знакомые вятские и волжские говоры. Среди не полностью еще поступивших людей преимущественно были призывники, прошедшие двух или трехмесячную военную подготовку. Командиры взводов и танковые техники прошли обучение только на краткосрочных курсах. Командиров с нормальной училищной подготовкой, сержантов и красноармейцев, прошедших срочную службу до войны, а также лиц с боевым опытом, имелось до 15%. Коммунистов и комсомольцев было соответственно 8 и 15%.

Из всего многообразия задач, которыми пришлось заняться, наиболее трудоемкими были две: организация боевой подготовки и освоение иностранных танков. Побывав в батальонах и ротах, я доложил заместителю командира бригады подполковнику П. Ф. Великанову:

– В учебе у нас неорганизованность, в батальонах она даже не спланирована. Разрешите разработать план и приказ.

– Не вмешивайтесь в дела частей, а займитесь планом сбора бригады по тревоге, – ответил Петр Федотович.

– План сбора будет сделан, – ответил я, – но батальоны учебу не спланируют. Старшие адъютанты всех батальонов и большинство командиров рот имеют лишь ускоренную подготовку, никогда боевой подготовкой не занимались; они не знают, чему и как учить, комбат же пока один.

– Делайте то, что я сказал, – обрывая разговор, ответил подполковник.

Через два дня, 26-го апреля, план приведения в боевую готовность подполковником Великановым был утвержден. Докладывал его прибывший в этот день начальник штаба капитан Н. Т. Иванов. Он подчинил мне помощника начальника штаба по опер работе и трех офицеров связи.

– Товарищ капитан, боевая подготовка в батальонах и отдельных подразделениях не спланирована. От штаба бригады никаких документов на этот счет им не дано. Бригадное планирование разрабатывается, но нужна ваша поддержка исполняющему обязанности командира бригады.

– Планируйте, я доложу, – ответил Николай Тихонович.

Помощник по опер работе оказался не только не танкистом, но вообще без военного образования и вскоре был откомандирован. С офицерами связи, среди которых надежной опорой оказался старший лейтенант И. А. Лукин, окончивший нормальное танковое училище

и имевший год практической войсковой службы до войны, мы уже через сутки разработали месячный план боевой подготовки.

– Докладывайте подполковнику Великанову, он утвердит, с ним я говорил, – приказал начальник штаба после просмотра плана.

– Подождем комбрига, – взглянув на план, ответил Великанов.

Не убедил его и присутствовавший при этом военный комиссар бригады.

Дни шли. Командир бригады полковник И. А. Шаповалов прибыл 30-го апреля. Среднего роста, стройный, одетый в безупречно сшитые из коверкота гимнастерку и брюки, он имел острый и цепкий взгляд, внимательно изучавший нас, и произвел впечатление человека решительного и быстро думающего. После объезда батальонов, он вечером провел совещание, на котором заслушал своих заместителей и помощников, а затем спросил.

– Начальник штаба и вы, его заместитель, доложите, почему в частях ни планов боевой подготовки, ни учебы?

Я встал и ждал ответа начальника штаба, как старшего по должности. Но заговорил Великанов:

– Штаб уже получил задание на разработку плана...

– Это – не ответ.

– Было решено документы планирования отдать в батальоны после вашего прибытия, – доложил Иванов.

– Штаб отвечает за боевую подготовку, но бездействует, а дни летят! – строго упрекнул нас полковник.

– Да, потеряно две недели, – проговорил военный комиссар бригады старший батальонный комиссар Фроим Исаакович Тушнайдер. – Я тоже виноват, не проявил настойчивости, хотя предложение штаба внесено шесть дней тому назад.

– Когда можете доложить план? – сухо спросил комбриг.

– Хоть сейчас, – ответил я. – Завтра документы плана получили бы батальоны.

– Доложить завтра утром! С 3-го мая учеба по единому плану.

1-го мая, утвердив план в присутствии своих заместителей, полковник распорядился:

– Учеба – главное. Учить днем и ночью. Учебный день – 10 часов, плюс два часа на обслуживание вооружения и техники. Потеряли время – наверстывайте.

Начало службы в бригаде радовало, так как попал в подчинение людей, имевших опыт боев с гитлеровцами. Полковник Иван Андреевич Шаповалов, кроме того, участник гражданской войны. Окрыляло и полное доверие этих начальников.

Бригада вооружалась средними танками МК-Ш («Матильда») английского производства и так называемыми малыми Т-60 советского, которых по штату полагалось соответственно 31 и 21. Мало, но больше, видимо, пока страна дать не могла.

Довольно скоро эти незнакомые всем танки мне удалось изучить, так как комбриг поручил провести показную стрельбу на сборе командиров батальонов и рот. Сопоставление их по вооружению с советскими танками Т-34 и КВ, оснащенными 76 мм пушкой, и с немецкими Т-IV с 75 мм пушкой, было не в их пользу. 40 мм пушка «Матильды» являлась мало-мощной, а 20-миллиметровая автоматическая пушка Т-60 для стрельбы по бронированным целям не годилась.

В ходе стрельбы возник ряд вопросов, на которые требовалось дать ответ. Соображения я доложил полковнику.

– «Матильда» может пробивать лобовую броню корпуса и башни танков Т-IV и штурмовых орудий на дальность 500 м, бортовую – до 700–750 м. Но броня у нее лучше, чем у немецких машин. И Т-IV могут пробить ее борт лишь на 450 м. Предлагается экипажам дать такие указания: вести огонь по фашистским танкам с дальностей от 750-ти до 500 м и не сближаться менее этого без стрельбы; основной способ – стрельба с коротких остановок.

– Это интересно. А Т-60?

– Для атаки в первой линии не годятся, сгорят. Бронезащита у них как у бронеавтомобилей. Посылать в атаку их следует за «Матильдами», во второй линии. И еще о МК-Ш. После выверки бой пушек разный, как правило, не соответствует делениям прицела. Это – производственный дефект. Следует произвести их пристрелку снарядами.

– Сколько на это надо снарядов?

– В среднем по шесть на танк.

– На это я не пойду, – подумав, решил комбриг. – Снаряды идут по импорту, значит, их будет мало. А экипажи учить, товарищи комбаты, с учетом тех особенностей оружия, о которых только что сказано.

Хотя процесс боевой подготовки принял организованный характер, ему мешали нехватка танков и изменения в организационно-штатной структуре. Две трети средних танков прибыло лишь к половине мая, артиллерия же – после 20-го. Если задержка с танками объяснялась срывом со стороны англичан сроков поставок, то поздняя подача артиллерии и минометов была на совести центральных органов Наркомата обороны. Это помешало завершить боевое слаживание рот, батарей и батальонов.

В соответствии с первоначальным штатом было сформировано два неодинаковых танковых батальона: один в составе роты средних и роты малых танков, другой в составе трех рот средних танков, по семь машин в каждой. Когда уже была проведена часть ротных учений, Москва дала новый штат, по которому стало два одинаковых батальона, каждый из двух рот средних и одной роты малых танков. Это потребовало проведения с некоторыми ротами учений заново, но из-за нехватки времени они были скомканы. В ограниченное время пришлось провести и батальонные учения.

Недостаточно слаженными оказались штаб бригады и штабы батальонов, хотя все возможности для этого были. Непонятным первоначально показалось мне равнодушие в этом вопросе капитана Иванова, ставшего в начале мая майором. Из двух совместных штабных тренировок была проведена лишь одна, в которой участвовал и я. Перед второй тренировкой майор Иванов сказал:

– Займитесь стрельбами, окажите помощь в подготовке и проведении ротных учений, а тренировку мы проведем с Лукиным.

В действительности он отложил тренировку, а затем и отменил. С его согласия были отменены также сборы связистов и разведчиков.

Все это отрицательно сказалось на управлении бригадой. В ходе командно-штабного учения бригады, проводившегося начальником автобронетанкового центра 21-22-го мая, управление по радио было неустойчивым, часто срывалось. Командир бригады нервничал и почему-то больше критиковал меня, а не моего начальника. Но я не обижался, так как уже знал, что Николай Тихонович по характеру медлителен, не озабочен и легко поддается на уговоры. Поэтому мне нужно было организовать свою работу так, чтобы больше принять участия в подготовке штабов и связистов.

Надо сказать, что опытный и энергичный политработник Тушнайдер не сумел надлежащим образом направить политработу на решение задач учебы. В результате этого жажда личного состава поскорее встретиться с врагом не перевоплотилась в стремление лучше освоить вооружение и технику. В этом меня убедило собрание личного состава 352-го танкового батальона перед батальонным учением. Все выступавшие больше говорили о желании быть на фронте, чем о предстоящем учении. Например, один из опытных мехводителей-фронтовиков сказал:

– Учение-то мы проведем, а у меня... есть только одна дума, одна мечта: поскорее в бой, бить фашистскую нечисть.

В начале своего выступления я спросил его:

– Вы уже изучили английский танк, хорошо его водите и быстро устраняете неисправности?

– Нет, конечно, только начал.

– У вас боевой опыт и то надо много учиться, а большинству – тем более. Все мы лишь в начале боевой подготовки. В ходе ротных учений и стрельб вы сами убедились, что обученность пока слабая. Вступать в бой с такой выучкой против гитлеровцев, имеющих трехлетний опыт войны, значит обрекать себя на поражение.

Выслушав мой доклад об этих настроениях, военком бригады сказал:

– Да, это так. Повернуть сознание людей к боевой подготовке нам в должной мере пока не удалось.

«Не запоздалый ли вывод?» – подумалось мне.

24—25 мая проверяла готовность бригады комиссия Главного автобронетанкового управления Красной Армии. При этом бригада совершила 60-километровый марш. Он не был удачным: колонны излишне растягивались и разрывались, темп низкий, выявилось немало неисправностей на танках. Для штаба же вновь наиболее неприятным было продолжительное отсутствие связи с батальонами в движении. И комбриг согласился с предложением, чтобы повторить батальонные учения и провести тренировку радиосетей.

Другого маршевого опыта, кроме похода к озеру Хасан в 1938-м году, у меня не было, и сравнение с ним марша бригады было не в пользу ее. Однако комиссия сделала вывод: бригада обучена удовлетворительно, к ведению боя готова.

– Щедрая оценка, – сказал я майору Иванову.

Это услышал полковник Шаповалов и бодро заметил:

– Ты не прав. Бригада движется, разворачивается, словом – обучена.

Тут к месту будет сказать следующее. 18-го мая я был избран секретарем бюро первичной партийной организации управления бригады и просмотрел учетные карточки коммунистов. Оказалось, что с 1927-го года по март 1941-го Шаповалов служил в химвойсках, окончил Военно-химическую академию, служил в огнеметной танко-химической бригаде. Он не знал танк и в чисто танковой части служил пять месяцев. Либо это обстоятельство, либо оценка комиссии породили у него необоснованный оптимизм. И с этого момента у него, вместо прежней требовательности в вопросах боевой подготовки, появилась какая-то самоуспокоенность.

А нас, командиров штаба, чувство неудовлетворенности не покидало. И когда был получен приказ бригаде скрытно, в течение четырех ночей выйти в исходный район для погрузки в эшелоны, то штаб разработал проведение по ходу выдвижения батальонных и батарейных учений. Это вызвало недовольство полковника Шаповалова.

– Какие учения? Вы понимаете слово «скрытно»?

– Понимаем, – ответил начальник штаба. – Но, ведь, танки-то на марше шумят, их движение не скроешь. Не все ли равно передвигаться и шуметь, проводя учения, или без них?

– А радиосвязь?

– Кругом проводят учения другие бригады, работает радио почти круглосуточно, поэтому никакая разведка не разберет, что к чему, – ответил я.

Но комбрига убедить не удалось. Так оказалась упущенной возможность поднять слаженность частей и подразделений.

Вечером 29-го мая было получено распоряжение о включении бригады в состав 11-го танкового корпуса, а 31-го она тремя железнодорожными эшелонами убыла на фронт. Командование и штаб бригады находились в первом эшелоне.

– Куда мы следуем? – спросил я полковника Шаповалова.

– Не знаю. По существующему порядку командованию перевозимых войск это не положено знать.

Я смутился из-за неуместно поставленного вопроса, хотя действительно этого не знал.

В ходе трехдневного переезда с подчиненными мне помощником начальника штаба, каковым являлся уже Лукин, и тремя офицерами связи удалось провести занятия по практическому оформлению оперативных документов.

К вечеру 3-го июня эшелон прибыл на станцию Долгоруково, 35 км южнее Ельца, города, входившего в то время в Воронежскую область.

Сразу после остановки вагонов, подошедший к командиру бригады майор передал распоряжение командира корпуса прибыть к нему. Полковник Шаповалов пригласил комиссара, приказал следовать с ним мне, и мы двинулись за машиной майора. Через 15—20 минут остановились в большом саду у группы автобусов и палаток.

Передавая папку со сведениями о боевом и численном составе, мною было доложено командиру бригады:

– Товарищ полковник, могут потребоваться карты. Я их получу, надо подождать.

– Получайте и быстро к нам.

Но когда я вышел от топографов со склейками карт двух масштабов, то мои начальники были уже в автобусе командира корпуса. Войдя туда, увидел стоявшего за столом генерал-майора танковых войск, высокого роста, с волевым лицом и тяжелым взглядом. Это был Алексей Федорович Попов. Он отчитывал стоявшего навытяжку полковника Шаповалова:

– Плохо, что вы явились ко мне без карты, а еще хуже, что мало танков.

Увидев меня, резко спросил:

– А вам, молодой человек, что нужно?

Я представился и попросил разрешения вручить командиру бригады карты.

– Надо вовремя это делать. Карту на стол! – приказал он. Я развернул карту, а генерал красным карандашом обвел район, поставил в одном из сел знак командного пункта и приказал:

– Вот здесь поставить бригаду, к восьми часам послезавтра подготовить круговую оборону с основным направлением на запад.

Так состоялось знакомство с командиром корпуса, обдавшее нас холодом.

Буквально на ходу встречавший нас майор перенес на свою карту район бригады, начертанный комкором, а с его карты я взял все то, что не было нам сказано: линию фронта, маршруты движения и время сосредоточения, соседей и их районы, а также место командного пункта корпуса.

В сумерках колонна штаба и подразделений, выгрузившихся из первого эшелона, прибыла в село Стегаловку, в 10-ти километрах севернее Долгорукова. И тут же последовало распоряжение о проведении рекогносцировки в северо-западном, в сторону Русского Брода, и в западном, в сторону города Ливны, направлениях для выбора на них участков обороны и рубежей развертывания на случай контрудара в составе корпуса. Решение на утверждение командиру корпуса требовалось представить уже к 19-ти часам следующего дня.

Командование и штаб бригады не были еще введены в обстановку. Наши карты отображали лишь линию фронта, проходившую в 70-75-ти километрах западнее расположения бригады. Но обозначилась уже роль корпуса: находясь в резерве, быть в готовности к нанесению контрудара или занятию обороны на случай прорыва вражеских войск.

Штабу пришлось одновременно организовывать и проводить рекогносцировки, осуществлять встречу эшелонов и вывод частей и подразделений в районы расположения, контролировать организацию обороны, представлять отчетные документы в штаб корпуса. В этой непростой, но довольно обычной для опытных фронтовиков обстановке, начиналась моя штабная служба в ходе боевых действий. И в первые дни я не все сумел охватить.

Слабым участком оказалась работа на командном пункте (КП) во время отлучки на рекогносцировку. В это время поступило распоряжение к 19-ти с половиной часам представить

схему обороны бригады, но оно оказалось не выполненным в срок, и было представлено с опозданием на час.

– Чтобы я больше никогда не краснел за вас перед начальником штаба корпуса! Поняли? – строго отчитывал меня полковник Шаповалов.

Я не стал докладывать о том, что, будучи на КП, начальник штаба не только не позаботился об исполнении распоряжения, но и занял оставшегося офицера связи, который мог бы оформить схему, второстепенным поручением. Искренне чувствуя свою ответственность, только и сказал: «виноват».

Усложнила работу и растяжка рекогносцировки. Штаб спланировал ее провести двумя рекогносцировочными группами, параллельно на обоих направлениях, в течение одного дня, так как большего времени нам не было дано. Полковник Шаповалов решил осуществить работу одной группой, самому побыть на обоих направлениях.

Как и ожидалось, до вечера была выполнена лишь половина дела, потребовался еще день; отчитываться же пришлось после первого дня. Подписав оформленное на карте решение, комбриг приказал мне отправиться для доклада его в штаб корпуса.

– Хотел доложить сам, но мне не разрешено ночью покидать бригаду. В оперативном отделе корпуса возьмите и нанесите задачи соседних бригад. Вам известен состав корпуса?

– Пока нет.

– В нем еще три бригады, – следя, как я записываю, говорил полковник. – Это 53-я тяжелая танковая, вооруженная танками КВ и Т-60, 59-я танковая с таким же вооружением, что и наша, и 12-я мотострелковая. Кроме бригад есть несколько частей обеспечения и обслуживания.

Начальник оперативного отдела, уяснив решение комбрига, проверив его оформление и точность нанесения на карту задач соседей, приказал следовать с ним к начальнику штаба корпуса. И тут я не на шутку испугался: ведь половина решения принята без изучения местности!

В одной из деревенских хат принял высокий, стройный, темноволосый полковник Петр Иванович Калиниченко. Подозрительно посмотрев на оробевшего посланца, всего лишь старшего лейтенанта, спросил:

– Вы, что, временно исполняете должность заместителя начальника штаба?

– Постоянно, – ответил я.

– С какой должности назначены?

Я доложил.

– Значит, окончили академию?

– Да.

– Тогда – другое дело.

Главным из числа заданных в ходе моего доклада по карте вопросов явился следующий:

– Почему командир строит боевой порядок бригады в обороне на одних рубежах – в один эшелон, на других – в два?

Поскольку в ходе подготовки у нас с Лукиным этот момент вызвал наибольшие раздумья, а работа на местности подтвердила целесообразность предложенного, то я ответил без задержки:

– В два эшелона, как видите, там, где перед передним краем заболоченные речки и ручьи. На этих участках противник первоначально атакует пехотой, и мотострелковый батальон, расположенный в первом эшелоне и усиленный танками, лучше справится с отражением атаки, чем танковые батальоны, особенно ночью. В остальных случаях бригада строится в один эшелон, а мотострелковый батальон идет на усиление танковых.

После изучения решения комбрига, сведений о боевом и численном составе бригады, начальник штаба корпуса приказал:

– Доложите полковнику Шаповалову, что наш корпус включен в состав 5-й танковой армии и должен быть готов к нанесению контрудара по прорвавшемуся противнику как в составе ее, так и самостоятельно. Это должно знать командование и узкий круг командиров штаба. Когда и где враг нанесет удар – мы не знаем. И чем раньше будет бригада готова к действиям, тем лучше. Об утверждении или изменении решения командиром корпуса сообщим.

– Есть! – ответил я и в радости, почти бегом, удалился.

Еще два дня я и мои подчиненные были заняты рекогносцировками, к которым были подключены уже командиры батальонов и рот, вследствие чего контроль за организацией обороны оказался запоздалым. Когда мне с двумя офицерами связи удалось в течение дня основательно ее изучить, то обнаружилось, что ряд позиций имеют ограниченный обзор и обстрел и не замаскированы, система огня и проводная связь организованы не везде. А, ведь, прошло три дня после прибытия последнего эшелона!

О случившемся я доложил начальнику штаба.

– Доложите все это командиру бригады, – распорядился он.

Николай Тихонович не первый раз подставлял меня под удар, когда что-то было неладно. Но на этот раз меня прорвало.

– Мое дело доложить вам, а комбригу докладывайте вы.

– Почему? – насторожился он.

– По двум причинам. Во-первых, вы отсутствовали полдня, а мои подчиненные и я – три дня. То есть вы были здесь, но не проверили и, таким образом, мой доклад будет направлен против вас, чего я не хочу. Во-вторых, если по крупным вопросам буду докладывать я, а не вы, получать указания и отчитываться за их осуществление тоже я, то ответственность за выполнение ваших обязанностей ляжет на меня при отсутствии у меня прав распоряжаться. Между тем мне нужно еще научиться выполнять свои обязанности.

Не ожидая, видимо, от меня такой откровенности на грани дерзости, Николай Тихонович удивленно посмотрел на меня и, понизив голос, сказал:

– Комбриг лучше понимает вас, чем меня.

– Это не дает мне права подменять вас, – решительно заявил я.

Докладывать все-таки пришлось ему. В итоге произошло перемещение оборонительных позиций многих рот, повторное выполнение земляных работ, а личный состав о непредусмотрительности командиров, естественно, отозвался неодобрительно. До проверки вышестоящим командованием недостатки были устранены не полностью, в результате чего командование бригады в приказе командира корпуса получило замечание.

Только 14-го июня бригада приступила к боевой подготовке. На этот раз полковник Шаповалов согласился пристрелять пушки снарядами на дальность 700 м, что и удалось сделать. Но учеба внезапно прервалась.

В информации о противнике, ежедневно поступавшей от вышестоящих штабов, с 11-го июня отмечалось сосредоточение крупной его группировки в районе Орла. Делался вывод, что он готовится к наступлению в ближайшее время и что удар этой группировки возможен через Мценск (50 км северо-восточнее Орла), южнее Тулы на Москву. И 5-я танковая армия была перегруппирована в район северо-западнее Ефремова, города, находящегося севернее Ельца, в 65-ти километрах.

Наша бригада за двое суток переместилась в район населенных пунктов Кандауровка, Долгие Лески, Барановка (35 км северо-западнее Ефремова) комбинированным способом: гусеничная техника – по железной дороге, колонна колесных машин – маршем через Елец, Ефремов, Овечьи воды. Новый район расположения бригады от линии фронта отстоял 60—70 км.

Бригада сразу же заняла оборону и к концу дня 20-го июня завершила ее организацию. Полученный в прежнем районе опыт подготовки обороны был учтен. Но не только это. В новый район войны бригады шли с убеждением, что со дня на день будет схватка с врагом, поэтому трудились самоотверженно.

Помню, как при проверке обороны одной из мотострелковых рот мое внимание привлекли специальные приспособления, сделанные из колышков и жердочек для стрельбы ночью.

– Молодец! Умница! – похвалил я бойца, вооруженного ручным пулеметом.

– Это – не я молодец, а командир роты.

– Эти приспособления нам показал заместитель командира батальона капитан В.И.Карпенко, – доложил командир роты.

В то время я еще хорошо не знал организацию огня стрелковых подразделений, поэтому увиденное было весьма полезным уроком; в дальнейшем в ходе войны мне не раз эти приспособления приходилось применять.

И здесь пришлось заниматься рекогносцировкой и подготовкой к контрудару такого же характера, что и к западу от Долгорукова. И эта задача была выполнена четко и организованно.

В прежнем районе, на марше и здесь, к западу от Кандауровки личный состав бригады видел следы хозяйничанья фашистов, пять-шесть месяцев тому назад выбитых с этой местности в ходе Елецкой операции. Немало было взорванных мостов, разрушенных и сожженных деревень и городских зданий. Это был убедительный документальный материал для повседневного воспитания ненависти к врагу.

Здесь мы получили танковое подразделение, включавшее 13 «Матильд», в том числе (к нашей радости) пять единиц с 75-мм пушкой. Таким образом, количество танков в бригаде возросло с 52-х до 65-ти (средних – 44, малых – 21). И организационным изменениям, уже третьим за два месяца существования, подверглись оба танковых батальона, в которых стало только по две роты, но из десяти средних танков каждая. Была создана отдельная рота малых танков такого же состава, а остальные одиннадцать малых танков были обращены на доукомплектование взводов управления батальонов и бригады.

Большинство в штабе бригады, командование и штабы батальонов были неудовлетворены такой структурой. Поразмыслив, начальник штаба пригласил меня на доклад к командиру бригады.

– В новой организации танковые батальоны ротами бедны, а роты великоваты, – докладывал майор Иванов. – При том же количестве средних танков просим в батальонах иметь по три роты, но не из трех, а из двух танковых взводов – по семь танков в роте (в одной шесть), и включить в них в качестве четвертых по роте малых танков в составе семи машин каждая.

– Разве рота из десяти танков – плохая рота? – спросил комбриг.

– Рота хорошая, но в ней три взвода, а не два, поэтому управлять ею сложнее, – включился в разговор я. – В бригаде знаю только двух командиров рот, которые к этому готовы, потому что они – кадровые, с хорошим практическим опытом. Напротив, командиры батальонов – люди опытные, им и четыре роты по плечу. Батальон из трех рот средних танков позволял бы создавать различные варианты боевых порядков, то есть был бы более гибким; когда же в нем две роты, то и вариантов всего два, причем вариант из двух эшелонов практически не применим. Роты Т-60, следуя за средними танками, усилили бы их огневую мощь.

– Что это за рота из семи малых танков! – возразил полковник.

– О недостатках малых танков говорим немало, но забываем об одном из главных – они, кроме танков командиров взводов, то есть четыре из пяти, без радиостанций, – продолжил я. – И чем больше танков во взводе, а в роте взводов, тем менее управляемы они. Это уже показала рота из 16 малых танков, которую мы имели под Горьким.

– Но мне нужна рота малых танков как постоянный резерв, – настаивал командир бригады.

– Мы и над этим думали, но пришли к выводу, что резерв из малых танков не будет воевать, – сказал майор Иванов. – Отдельно эту роту для выполнения большинства задач не пошлете. Поэтому куда лучше брать в резерв роту средних танков, когда их в батальоне три. А как возьмешь, когда их две? Кроме того, во взводах управления батальонов малые танки будут не воевать, а обеспечивать, а мы предлагаем, чтобы они воевали.

– Да, ваши доводы разумны, – согласился полковник Шаповалов. – Будем докладывать.

Полковник Калиниченко командира бригады поддержал, но командир корпуса не считал необходимым ставить этот вопрос перед штабом армии. Наша просьба не была удовлетворена. Как впоследствии показали бои, предложения командира бригады были целесообразными.

Самым же существенным недостатком организационной структуры бригады была слабость средств ПВО и отсутствие артиллерии для подавления объектов и целей. Единственная зенитная батарея, имевшая две 37 мм автоматические зенитные пушки и два зенитных пулемета, могла прикрыть лишь один батальон или командный пункт бригады.

К 22-му июня бригада была укомплектована вооружением, боевой техникой и средствами обеспечения боя – на 80—100%, личным составом – на 98%. Возросла и численность коммунистов и комсомольцев. Но реорганизованные танковые подразделения нуждались в слаживании, однако возобновившаяся с 22-го июня боевая подготовка шла с ограничениями. Вышестоящим командованием в целях скрытия от разведки противника места крупной танковой группировки были запрещены передвижения и стрельбы танков; отказано было осуществлять это и ночью. В результате учения танковых рот и батальонов провести не удалось. Лишь с 29-го июня, когда началось наступление гитлеровцев, были разрешены стрельбы.

Вызывали удивление командования бригады как недостаточное внимание одних лиц, так и поверхностные наскоки других в вопросах боевой подготовки.

Так, 2-го июля стрельбу 2-й роты 353-го танкового батальона внезапно посетил командир корпуса.

Он прибыл за полтора часа до начала стрельбы, в период ее подготовки, когда еще многое не было сделано, но, тем не менее, строго отчитал командиров батальона и бригады за неорганизованность. Перед стрельбой и с ее началом генерал Попов все внимание сосредоточил на знании обязанностей лицами, руководившими и обеспечивавшими стрельбу, а не на ее методике и ходе. Вместе с командиром бригады мне пришлось быть на этом занятии. Бесспорно, на такие, например, организационные упущения, как нечеткое обозначение рубежей открытия и прекращения огня, командир корпуса имел резон указать, но требовать от начальника оцепления и дежурного фельдшера, вчерашних гражданских лиц, такого же четкого знания обязанностей, как и от кадровых военных, вряд ли было возможно. Мы ожидали услышать от опытного танкиста многое из того, что касалось приемов стрельбы и» действий при оружии иностранного танка, незнакомого советским танкистам. Вместо этого услышали грубость и брань.

Война – не учение мирного времени. На ней порой не обходится без крепких слов. Если они к месту, учат, направляют и помогают воевать, то подчиненные их понимают, и обиды не держат. А ругань, в том числе в адрес командиров в присутствии их подчиненных, отталкивает. Такое ощущение осталось у нас от этого посещения командира корпуса.

К месту будет сказать: в корпусе две из трех танковых бригад были вооружены «Матильдами», но ни командование, ни штаб, ни танкотехническая служба корпуса не дали ни разу никаких рекомендаций по вопросам стрельбы и эксплуатации.

Еще пример. Только 30-го июня было проведено дважды откладывавшееся единственное двухступенное штабное учение под руководством начальника штаба корпуса. Наиболее слабыми местами оказались взаимодействие между командирами штаба корпуса и штабов бригад и связь между командными пунктами, особенно во время перемещения, вследствие неслаженности радиосетей и невысокой подготовки радиотелеграфистов. Оперативные документы

штаба корпуса поступали в штабы бригад с большим опозданием и имели много неточных, неясных формулировок.

На эти недостатки указал на разборе полковник Калиниченко, отметив хорошую слаженность нашего штаба.

А нас это учение не удовлетворило из-за своей кратковременности, так и из-за ограниченности содержания. Мы знали, что полковник Калиниченко имеет за плечами командный факультет академии механизации и моторизации, обладает большим опытом штабной работы и вступил в войну в должности начальника штаба корпуса. В нем сочетались образованность, твердость и ясность суждений. Но подготовке штабов, частей и подразделений связи он достаточного внимания не уделял. Видимо, ему что-то мешало.

Если в результате проведенных стрельб огневую подготовку удалось повысить, то тактическая подготовка танковых подразделений так и осталась слабой.

Цена первых уроков

В двадцатых числах июня фашистские разведывательные самолеты все чаще и чаще стали пролетать над районом расположения бригады и, как правило, на высоте, недосягаемой для огня зенитной батареи.

А затем обстановка на фронте резко изменилась. 29-го июня мы получили оперативно-разведывательную информацию из штаба корпуса, из которой узнали, что накануне противник перешел в наступление на курско-воронежском направлении, то есть непосредственно юго-западнее того района, в котором до 16-го июня располагался 11-й танковый корпус. Последующие информации были все тревожнее и тревожнее: 30-го июня противник на указанном направлении прорвал оборону и углубился на 40 км; 2-го июля вражеской группировке, включавшей до полутора десятков дивизий, в том числе до половины танковых и моторизованных, удалось расширить фронт прорыва и углубиться еще больше.

В полдень 2-го июля командир бригады вызвал начальника штаба, ряд командиров штаба, заслушал доклады об обстановке и распорядился подтянуть ближе к району бригады все подразделения, находившиеся в отрыве от нее на разведке и устройстве путей, а также подготовить рекогносцировочные группы.

А в утренней информации 3-го июля, отмечавшей продвижение фашистских войск в сторону Воронежа на 80 км и выход их на рубеж реки Олым (70 км западнее Воронежа), конкретно указывалось, что там наносят удар 4-я танковая армия и ряд армейских корпусов противника.

Так стал ясен ответ на вопрос: где враг нанесет удар? Ответ, не вычисленный заранее, а слепок с фактических событий и потому довольно неожиданный. Фашистскому командованию удалось нанести удар там, где его в меньшей степени ожидало наше руководство. Именно вследствие этого крупная танковая группировка в нужный момент оказалась не там, где нужно.

Около 19-ти часов было приказано бригаде к исходу дня подготовиться к маршу в район поселка Долгоруково и перевозке танков по железной дороге. Но план перевозки был нарушен в самом начале. Побывав на станции Ефремов, помощник командира бригады по технической части инженер-майор М.И.Кедров доложил полковнику:

– Оттягивается погрузка всего корпуса. Станция Ефремов и ближайшие станции заняты прибывающими и разгружающимися эшелонами с войсками.

– Что за странность? Противник рвется к Воронежу, а войска везут к Ефремову, – удивился полковник Шаповалов. – Не перепутали ли вы?

– Лично сказал начальник оперативного отдела корпуса.

Только в 17 часов 5-го июля начал погрузку первый эшелон бригады; завершила же перевозку и сосредоточилась в районе Карташевки (13 км восточнее Долгоруково) она лишь к 13-ти часам 6-го июля. В итоге бригада, да и корпус в целом прибыли в район к юго-востоку от Долгорукова почти надвое суток позже плана.

Вскоре стало известно, что задержку вызвали не только занятость станций погрузки, но и нехватка подвижного состава.

Теперь мы отчетливо слышали стрельбу артиллерии и грохот разрывов бомб и снарядов. И все воины почувствовали, что схватка с врагом близка. Так, при проверке в середине дня окапывания и маскировки в 352-м танковом батальоне, видел, с какой тщательностью танкисты делают это. Заметил, что некоторые экипажи вместо щелей на экипаж роют танковые окопы, хотя стоять в этом районе нам предстояло недолго. Спросил младшего лейтенанта, командира танка:

– Почему вы вместо щели для экипажа делаете танковый окоп?

– В бою нужны и мы и танк. Без танка мы и не танкисты и не пехота, а что-то вроде ухи без рыбы. В случае налета фашистских самолетов окоп спасет танк, А танк – нас: щель то мы

сделаем, но под танком. Ведь как бывает на войне-то: сказано на час, а стоим сутки; бывает и наоборот.

– Вы – фронтовик?

– Да, пришлось. Меня фронт уже «приласкал», – показывая шрам на подбородке, ответил он.

Делать щели в танковом окопе под танком экипажи вскоре стали всякий раз, когда приходилось более четырех-пяти часов стоять на месте, вне боя: ведь в воздухе господствовала авиация противника.

В течение 6-8-го июля 160-я танковая бригада назначалась в третий эшелон или резерв корпуса, получала боевые задачи на той же глубине, что и первый эшелон, но фактически в бой вступала лишь частью сил.

Задача на 6 июля была изображена на карте, доставленной офицером связи корпуса сразу после завершения сосредоточения бригады. Ей следовало выдвигаться в третьем эшелоне за 59-й танковой бригадой, овладеть лесом 2 км восточнее Яковлева (схема №1) и в последующем селом Казинка, 7 км северо-восточнее Землянска. Устно он добавил, что задача корпуса, нанося удар в направлении Вислая Поляна, Казинка, Верхнее Турово (40 км западнее Воронежа), выйти в тыл группировке гитлеровцев под Воронежем и во взаимодействии с соседом слева – 7-м танковым корпусом разгромить ее.

По материалам карты сколько-нибудь ясного представления об обстановке составить было нельзя. На ней в районе Голосновки, Хрущева (западного) были помечены части 9-й танковой дивизии гитлеровцев без указания конкретных частей. Со слов офицера связи стало известно также, что у Воронежа противник прорвался к реке Дон, а из соединений корпуса впереди, в районе Новосильского, движется к реке Кобылья Снова 12-я мотострелковая бригада.

– Старший лейтенант Обатуров, а кто наши соседи справа и слева? – спросил в ходе принятия решения полковник Шаповалов.

– Сведений нет, товарищ полковник. Штаб корпуса в движении, его радиостанции не отвечают. На поиски соседей направляю офицеров связи.

– А что у фашистов против 12-й мотострелковой бригады? – задал он вопрос начальнику разведки.

– Данных не имеем, два разведдозора на Т-60 высланы...

– Товарищ Иванов, штаб не делает то, что обязан делать. Как прикажете принимать решение, не зная обстановки?

Командир бригады нервничал, а мы стояли, виновато опустив головы, хотя штаб лишь полтора часа тому назад прибыл в район сосредоточения после выгрузки в Долгоруково. Обнажился просчет: штабу следовало выдвинуться вперед с автоколонной, а не связывать себя с эшелоном. А я больше ругал себя за другое: у нас не оказалось описания района действий, в частности, материалов о реках и заболоченных местах или, как принято говорить на военном языке, о гидрографии. Вот эти-то материалы мною не были заблаговременно запрошены в штабе корпуса.

К исходу дня уже удалось собрать достаточные сведения о своих войсках и некоторые – о противнике. Впереди 12-я и 2-я мотострелковые бригады нашего и 2-го танковых корпусов. После встречного боя с передовыми частями 9-й танковой дивизии противника, к вечеру отошли на северный берег реки Кобылья Снова, на участок Островок, Каменка, а 53-я и 59-я бригады были задержаны фашистской авиацией и дальше указанной реки не продвинулись. Слева 7-й танковый корпус частью сил к этому времени занял северную часть Перекоповки. В связи с этим наша бригада была остановлена в районе Вислая Поляна и севернее. К вечеру дважды она подверглась ударам 10-11-ти пикирующих бомбардировщиков Ю-88. При первом ударе в управлении бригады и в батарее 76 мм пушек два человека было убито, восемнадцать

ранено и выведено из строя два орудия с тягачами. Легкое ранение получил начальник штаба, но остался в бригадном медицинском пункте.

Хотя в ходе второго налета зенитная батарея сбила один бомбардировщик, мы отчетливо почувствовали весьма слабую защищенность от гитлеровской авиации. Тем не менее, воины бригады рукоплескали зенитчикам, открывшим первыми счет уничтоженным фашистам.

До сих пор доклады комбригу мною делались или в присутствии начальника штаба, или по его поручению. Естественно за изложенное ответ держал не один я. Теперь же, оставшись за начальника штаба, я отвечал единолично. Поэтому наряду с самостоятельностью возросло и чувство ответственности, однако наивно полагал, что сумею сразу получить во всем доверие командира бригады.

На 7-е июля распоряжением командира корпуса, полученным вечером 6-го, предусматривалось, что из третьего эшелона бригада войдет в бой после того, как первые два эшелона преодолеют Кобылью Снову. Этим обуславливалось построение колонны бригады в готовности к развертыванию и переходу в атаку с ходу. Такой способ и отработывался главным образом в ходе боевой подготовки.

Но в ходе раздумий возник вопрос: а как комкор поступит с нашей бригадой, если наступающие впереди не смогут овладеть южным берегом реки? Вероятнее всего прикажет и ей форсировать реку, но где? Слева наступает 7-й мехкорпус, следовательно, скорее всего между Вторыми Тербунами и Островком.

От местных жителей мы уже знали, что пойма реки широко заболочена и лишь у Конного брода ширина и глубина болота наименьшая. Тотчас было приказано саперам произвести разведку, что в сумерках они и сделали. Одновременно в штабе действовавшей справа 55-й кавалерийской дивизии побывал офицер связи. Из полученных там сведений стало известно, что перед ее левофланговым полком, обороняющим Вторые Тербуны, перешел к обороне 770-й пехотный полк 377-й пехотной дивизии противника. Кавалеристы считали, что наименее плотно обороняемым гитлеровцами участком является участок берега, примыкающий к Конному броду с юго-запада.

На основе оценки этих сведений я посчитал предпочтительным построить боевой порядок бригады в предвидении форсирования реки, для чего в первом эшелоне иметь мотострелковый батальон, а во втором танковые в готовности поддержать огнем первый эшелон при форсировании. В случае же ввода бригады в бой южнее реки выдвижение в первый эшелон танковых батальонов и прием ими на усиление мотострелковых рот не должно занять много времени. Такие соображения я и доложил командиру бригады.

Полковник Шаповалов, однако, решительно возразил:

– Я с вами не согласен. Бригаду предусмотрено ввести в бой после форсирования реки 53-й и 59-й бригадами, поэтому боевой порядок надо строить не для форсирования, а для атаки, возможно и во встречном бою. А так как задача глубокая, то и боевой порядок следует иметь глубоким: первый и второй эшелоны – танковые батальоны с мотострелковыми ротами, третий – мотострелковый батальон без двух рот, резерв – рота малых танков.

– Товарищ полковник, если ввод в бой южнее реки вы считаете единственно возможным, то прошу в первом эшелоне иметь оба усиленных танковых батальона. В противном случае удар будет не бригадный, а батальонный, – настаивал я. – Ведь и без нашего решения много непонятного: генерал Попов ночью говорил о сильных, решительных танковых ударах, а на деле корпус наносит удар одной третью танков. Мы тоже хотим лишь половиной их. Где же эти сильные удары?

– Нет! Решение будет таким, какое я назвал, – ответил комбриг. – Готовьте приказ.

Неудача с докладом удручила, хотя и не поколебала веры в предложенное. Наряду с исчезновением некоторой самоуверенности я понял, что нужно учиться доказывать.

Как и ожидалось, первые попытки 53-й тяжелой танковой и введенной левее ее 59-й танковой бригад форсировать реку окончились неудачей. Противник оказал сильное огневое сопротивление, а его авиация, заставив их рассредоточиться, накрепко «приковала» к одному и тому же месту. На это ушла первая половина дня. Поэтому вскоре после 12 часов комкор приказал 160-й танковой бригаде форсировать реку западнее Острова.

На сбор разбросанных по всей колонне подразделений мотострелкового батальона потребовалось до двух часов, чего можно было избежать. Но главное даже не в этом. Ввести бригаду в бой, и тем самым расширить фронт форсирования, можно было с утра. Для устройства 15-метрового моста и гати длиной 270 метров бригаде требовалось примерно 12 часов. Действуя с утра, мы к вечеру могли бы иметь переправу для техники, а теперь это возможно было лишь к утру следующего дня.

И все же к 15-ти часам частью сил мотострелкового батальона удалось захватить участок на юго-западном берегу, отбросив до двух гитлеровских взводов пехоты с двумя танками и приступить к строительству моста и гати, часто прерывавшемуся из-за налетов фашистской авиации.

Между тем другие бригады все же сумели овладеть участком правого берега к югу от Острова, восстановить там мост и к 19-ти часам выйти к Хрущеве. Хотя о функционировании этого моста нам стало известно с большим опозданием, бригада по решению полковника Шаповалова стала переправляться по нему, так как до готовности нашей переправы было далеко.

После прохода через мост головного 352-го батальона, генерал Попов приказал переправу прекратить; бригаде занять оборону в Яковлеве. Составляя резерв корпуса, быть готовыми отразить удар противника с запада. Принимая решение на оборону, полковник Шаповалов высказывал свои мысли вслух:

- Угрозы правому флангу корпуса не вижу. Там прочно стоит кавдивизия.
- К тому же правый фланг корпуса южнее, к западу от Хрущево, – заметил я.
- Вот именно.

Около 19-ти часов зенитная батарея вновь сбила фашистский самолет. Это был «Хенкель-Ш». Один из трех членов экипажа, командир его, обер лейтенант спустился на парашюте и был пленен. Первый пленный фашист, которого я видел; не мог не заметить его надменности и взгляда, полного презрения. А вот наших самолетов, ни истребителей, ни штурмовиков, как и накануне, мы не видели ни одного.

8-го июля я впервые близко увидел настоящий бой.

12-я мотострелковая бригада утром этого дня овладела Хрущевым, а к 15-ти часам захватила большую часть Ивановки. Вслед за ней 59-я бригада восстановила мост через Голую Снову в Хрущеве и переправилась. Стремясь расширить фронт атаки, командование бригады без разведки направило один танковый батальон вброд западнее Ивановки, где 12 «Матильд» засело в пойме. Дальнейшее наступление в направлении Ильиновки, Федоровки полубригадой не сулило успеха, и командир корпуса ввел в бой на этом направлении наш 352-й батальон, отдав приказ непосредственно ему, минуя командира бригады, и не поставив его в известность. Батальон развернулся левее 59-й бригады и совместно с одним из ее батальонов атаковал противника, оборонявшего северную опушку леса и высоту 218,7 юго-восточнее Хрущева. Здесь у фашистов оказались окопанные штурмовые орудия, противотанковые пушки и танки. Сначала оба батальона имели успех, отбросили противника с потерями на полтора километра, но в результате контратаки превосходящего числа танков и мотопехоты при поддержке артиллерии и бомбардировщиков, вынуждены были отойти более чем на километр.

Бой стоил потерь, в 352-м батальоне погиб один из лучших командиров рот старший лейтенант Абрам Васильевич Сокол.

Обо всем этом штабу бригады стало известно около 18-ти часов из донесения комбата, так как из-за удаленности батальона связь по радиостанциям английских танков была потеряна.

– Почему я ничего не знаю! Почему командуют через голову? Кто отвечает за батальон, корпус или бригада? – возмущался командир бригады.

Поостынув, он потребовал:

– Обатуров, начальник разведки, какой там противник?

– Отмечаются части 9-й танковой дивизии. При равенстве по танкам, не считая Т-60, приравняемых к бронетранспортерам, противник превосходит корпус: по пехоте – более чем в два раза, по артиллерии – в полтора, а в авиации и говорить нечего!

– А П-я танковая дивизия перед 7-м корпусом не выдумана?

– Разведотдел штаба корпуса ссылается на сведения, полученные от 7-го танкового корпуса, – доложил начальник разведки.

– Так как же можно превосходящего противника атаковать не целыми бригадами, а побатальонно! – досадливо и горячо вопрошал полковник.

Выдержав паузу, я предложил:

– Пока наши батальоны поодиночке не разгромлены, нужно, чтобы в районе 352-го батальона была вся бригада.

– Правильно! Давайте связь с корпусом. Предложение командира бригады было утверждено. И чтобы захватить светлое время для изучения обстановки, с разрешения комбрига мы с начальником разведки отправились в батальон, не ожидая колонну бригады.

Был вечер. Мелкий дождь сделал глинистые подъемы, спуски и подходы к мостам, скользкими, резко снизив скорость движения броневика. Нетерпение напрягло нервы. И лишь около 20-ти часов удалось прибыть к командиру батальона подполковнику Василию Владимировичу Ободовскому. Он показал на местности положение батальона, приданной ему мотострелковой роты и противостоящего противника. И тут с досадой заметил, что если бы несколько наших истребителей помешали бомбардировщикам врага, то не отошли бы.

– А как показали себя наши? – спросил я.

– Храбрость без мастерства. Снарядов выпустили много, а подбили и сожгли два танка и два штурмовых орудия. Мотострелковая рота, наоборот, стреляет мало, а от фашистской пехоты – море огня.

И как бы заканчивая ответ, проговорил:

– Мало учили. Доучивание в бою оборачивается кровью. Недаром говорят: больше пота в учении – меньше крови в сражении.

Артиллерийский и минометный огонь противника не ослабевал. Я впервые попал под него и в дальнейшем пришел к убеждению, что первое его восприятие у каждого свое, субъективно-индивидуальное, и что с накоплением опыта ощущения большинства людей выравниваются. А в тот момент свист и разрывы снарядов и мин как-то не вызывали во мне чувство опасности, не заставляли ни ложиться, ни пригибаться. Больше всего был поглощен стремлением понять, откуда противник ведет огонь: направление приблизительно улавливал, а дальность определить не мог. Восприятие того и другого и степени опасности пришло в последующие дни.

С таким ощущением я следовал за комбатом в мотострелковую роту, а затем к немецкому танку Т-IV, подбитому ротой Сокола.

С интересом осмотрели этот танк, который нам был известен по картинкам, а подполковнику Ободовскому – по боям. И потому, что картинка хорошо запомнилась, возникло подозрение.

– Пушка-то значительно длиннее, чем та, которую изображают фотоснимки в разведсводках, – заметил я. – Посмотрите, она выходит за носовую часть танка.

– Верно! Я сразу-то и не обратил внимания, – сказал подполковник Ободовский. – Это – другая пушка.

– Ствол удлинен, значит, увеличен и заряд, за счет чего повышена начальная скорость снаряда. Выходит, что броню «Матильды» этот танк будет пробивать уже на большей дальности, чем с укороченной пушкой, – подумав, сказал я.

А затем разговор перешел на другую тему.

– Фашистская авиация душит нас. Что если перейти к наступлению ночью? – спросил я командира батальона.

– Это очень рискованно, – ответил Ободовский. – Еще днем не научились наступать, куда же лезть ночью.

Встретили мы здесь и разведдозор бригады. Именно в этом подбитом танке командир дозора подобрал дневник и документы ефрейтора 33-го танкового полка, входящего в состав 9-й танковой дивизии. Дозору была поставлена новая задача: разведать район от Перекоповки до Спасского.

На вопросе о танках с длинноствольными пушками следует остановиться подробнее. Короткоствольные 75 мм пушки на танках Т-IV и тем более 50 мм на танках Т-III не оправдали себя в борьбе с нашими танками КВ и Т-34, значительно превосходившими по броневой защите немецкие танки. Поэтому фашистская Германия в 1942 году перешла на выпуск танков с длинноствольными пушками тех же калибров, оснастив их более мощными зарядами.

После возвращения к колонне бригады, я доложил полковнику об обстановке в батальоне и о том, что основная группировка противника, видимо, в районе Ильиновка, Голосновка и что можно бы нанести удар в обход ее с востока, в направлении Спасское, Чибисовка, Никандровка.

Разведдозор донес, что в районе рощ, 3 км южнее Перекоповки и высоты 314,6 противник не обнаружен. Бригада в этот район и выдвинулась. И теперь нас особо интересовала обстановка у соседа слева – 7-го танкового корпуса. Несмотря на настойчивые запросы в штаб нашего корпуса, некоторые данные мы получили только к часу 9-го июля. Правофланговая 3-я гвардейская танковая бригада его к исходу 8-го июля достигла рубежа 2 км южнее Ломова.

В связи с этим отмечу, что информирование бригад в штабе корпуса было поставлено слабо, даже командиры-направленцы ежедневно менялись. Позднее комплектование штаба комсоставом сыграло отрицательную роль.

У нас были свои болячки. Мы неумело вели разведку, поэтому до 10-го июля разведчики не взяли ни одного пленного. Непосредственно противостоявшего противника мы знали плохо. Усложняло управление неустойчивое функционирование радиосвязи, как следствие слабой подготовки радистов, так и малой дальности действия штатных радиостанций РБ и на «Матильдах», не превышавшей 7-ми километров. Лучших станций 9р на малых танках, обеспечивавших связь в телефонном режиме на 15 км, было всего шесть, но три из них обеспечивали разведку.

За первые дни боев выявились и другие недостатки, на устранение которых следовало нацелить коммунистов.

Во второй половине дня 8-го июля было проведено собрание парторганизации управления продолжительностью 25 минут. С кратким докладом выступил я, как секретарь партбюро. В докладе и выступлениях острой критике подверглись коммунисты начальник разведки, начальник связи, один из офицеров связи и некоторые другие.

В докладе мною были указаны и собственные недостатки и промахи. В решении собрания поименованным выше коммунистам было указано на недостаточно добросовестное выполнение своих обязанностей в боевой обстановке, на отсутствие инициативы и необходимой ответственности. В последующие дни эти товарищи улучшили свою работу.

А для меня последние двое суток стали своего рода начальным классом боевой учебы. Появилось чувство уверенности. Начал расставаться с академическим, наивно-упрощенным представлением о бое, увидел его не только как боевое мастерство, но и как человеческую трагедию.

При рассмотрении в те дни места и роли бригады в выполнении задачи, стоявшей перед корпусом, бросалось в глаза то, что корпус наступал как бы колонной, поскольку каждый день разворачивались и наносили удар силы не более бригады с последующим втягиванием в бой до половины корпуса. Если такой способ действий 6-го июля был вынужденным, то в последующие дни – ничем не оправданным.

Еще 7-го июля был отмечен переход противника к обороне, а утром 8-го он стал фактом на всем фронте корпуса. Это требовало нанесения ударов крупными силами на широком фронте, однако корпус наступал на узком фронте и не одновременно всеми силами, а последовательным вводом в бой бригад.

Такой ход боевых действий корпуса беспокоил командование армии. Вскоре после 12 часов 8-го июля на командный пункт бригады в Яковлеве неожиданно прибыли командующий армией генерал-майор Александр Ильич Лизюков и военный комиссар дивизионный комиссар Гай Лазаревич Туманян. Я встретил их у дома, в котором работал штаб, отдал рапорт и доложил, что начальник штаба ранен, а к командиру бригады направлен офицер.

(В первых танковых армиях, сформированных в мае 1942-го года, были введены первоначально должности военных комиссаров).

Взглянув на карту, развернутую на столе, командарм приказал доложить обстановку. Вскоре мой доклад был прерван вопросом:

– Какое у вас образование?

– Год тому назад окончил академию механизации и моторизации, – ответил я. В 1939 году слушал ваши лекции.

– Почему вы всего лишь старший лейтенант?

– Сразу после выпуска назначили младшим преподавателем той же академии, на фронте только второй месяц.

– Начальник академии генерал Ковалев у нас на стажировке в роли моего заместителя. Вот мы ему и наломаем бока за то, что он не заботится о воинских званиях преподавателей.

После такого начала мое волнение прошло и доклад по обстановке на 11 часов прошел нормально.

– Это точно, что сейчас все три танковые бригады не воюют? – спросил командарм.

– На 11 часов – точно. Данные получены от наших офицеров связи в 53-й и 59-й бригадах и из оперотдела штаба корпуса.

В этот момент прибыл и отдал рапорт комбриг, а генерал Лизюков передал по телефону распоряжение о прибытии командования корпуса на наш КП. В ответах на вопросы генерала Лизюкова полковник Шаповалов подтвердил доложенные мною данные обстановки.

– А как настроены люди? – спросил дивизионный комиссар.

– Хотят сражаться, досадают, что третий день в хвосте боевого порядка корпуса, – доложил комбриг.

Затем он выразил недоумение в связи с отсутствием нашей авиации.

– Да, с авиацией пока плохо, но обещали ее, – ответил командарм.

Около 13 часов прибыли командир корпуса и начальник штаба. Военком полковой комиссар Е.С.Усачев находился еще в одной из бригад.

Понимая неуместность моего присутствия, я попросил разрешения выйти, но генерал Лизюков задержал, сказав, что буду нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.